

ТЕРМИН И ТЕРМИНОЭЛЕМЕНТ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Ария Х. Азаматова
Алматы, Казахстан

Состояние современной терминологической науки является результатом многих научных изысканий в мировом языкознании (А.А. Реформатский, Д.С. Лотте, О.С. Ахманова, Л.А. Капанадзе, Т. Л. Канделаки, В. П. Даниленко, Г. О. Винокур, С. Д. Шелов, Н. В. Васильева, Н. Felber, G. Rondeau, J. C. Sager, E. Wüster и др.).

Появление в последние годы целого ряда исследований, посвященных различным проблемам общей теории терминологии, свидетельствует о росте и развитии данной отрасли знания, о незаконченности формирования его метаязыка.

В деле создания и совершенствования научной терминологии центральным вопросом является выбор наиболее разумного (для каждого данного языка) пути терминотворчества. Трудности такого выбора часто обусловлены необходимостью гибкого сочетания определенных национальных традиций в создании и употреблении терминов с тенденцией к интернационализации терминологии данной отрасли знания, а самый естественный, проверенный историей науки путь к интернационализации терминологии лежит через использование греко-латинских элементов как наиболее нейтрального и универсального материала для создания термина. Определение языкового статуса этих единиц во многом зависит от определения статуса того целого, составными частями которого они являются, т.е. термина. Поэтому мы предлагаем остановиться на некоторых вопросах, связанных с природой термина как знака.

В существующих определениях термина, как правило, присутствует указание на особую – по сравнению с обычным словом – природу этой лексической единицы. Однако на само соотношение термина и общеупотребительного слова существуют две противоположные точки зрения. Согласно первой, термин противопоставляется обычному слову как особая единица, характеризующаяся а) дефинитивностью, б) монореферентностью, в) вхождением в систему (А.А. Реформатский, Д.С. Лотте, Л. А. Капанадзе, Т. Л. Канделаки, П. Даниленко). Согласно второй точке зрения, термин считается обычным словом, но выступающим в особой функции, что проявляется а) в

сфере номинации (наименование понятия из области, науки, техники, искусства, б) в сфере употребления (узкий круг специалистов) (Н.З. Котелова, В.Н. Прохорова, В. Г. Гак, В. М. Лейчик, О. Д. Митрофанова). Эта позиция опирается, в основном, на тезис Г.О. Винокура, выделявшего в качестве основной функцию термина функцию названия. Однако, по справедливому замечанию А.А. Реформатского, номинативная функция присуща всем словам, и поэтому данный признак не может быть достаточным при определении термина. Чтобы показать, как первоначально занятая позиция (термин = особая единица, или термин = обычное слово в особой функции) влияет на решение многих проблем, связанных с семантикой терминологических единиц, остановимся на проблеме многозначности термина. Если исследователь стоит на позиции полного отождествления термина и общеупотребительного слова, то проблема многозначности термина освещается так же, как и полисемия слова общеупотребительного языка (А.А. Брагина). При этом в минимальной степени учитывается конвенциональный характер терминологии, а главное – связь с терминологическим полем, т.е. с системой понятий данной отрасли знания; согласно логике такого подхода, термин может получить «оттенок» значения, если покинет пределы данного терминополья, но в действительности он превратится при этом либо в другой термин, либо детерминологизируется вовсе. Более последовательной в этом плане представляется нам позиция тех лингвистов и терминоведов, которые, выделяя термин как особую лексическую единицу, говорят о категориальной многозначности термина (В.П. Даниленко). Под категориальной многозначностью (это понятие введено Д.С. Лотте) понимается использование одного языкового знака применительно к двум категориально соотносимым понятиям, например, «объект исследования» – «наука об этом объекте» (терминология). Иными словами, различается терминология как совокупность терминов и терминология как наука о терминах, общая теория терминологии. Терминология в последнем значении в современных исследованиях все чаще уступает место термину терминоведение.

Любая терминология предполагает обязательную и постоянную работу по ее упорядочению и унификации, т.е. приведению в систему в соответствии с лингвистическими объективными требованиями к идеальному термину и с системой научных понятий (В.П. Даниленко, Л.И. Скворцов).

Однако унификация лингвистической терминологии «осложняется действием экстралингвистических, т.е. внешних по отношению к языковой природе термина, причин: это бурное развитие лингвистики XX века, особенно второй половины, множественность лингвистических направлений, школ, концепций в мировом и отечественном языкознании, что предельно активизировало терминотворчество и явилось главным деструктивным, дестабилизирующим фактором по отношению к лингвистической терминологии в целом» [Куликова, Салмина 2002: 7].

В настоящее время большинство исследователей склонно считать термин особой языковой единицей, особым словом, неотъемлемым компонентом семантической структуры которого признается дефинитивность. «Термин не называет понятие, как обычное слово, - замечает по этому поводу Л.А. Капанадзе, - а понятие ему приписывается, как бы прикладывается к нему... Значение термина — это определение понятия, дефиниция, которая ему приписывается. Если неизвестно определение, то неизвестен и термин, никакие связи слов, ассоциации тут не помогут» [Капанадзе

1965: 20]. Дефинитивность как присущая только термину особенность подчеркивается в определении термина Т.Л. Канделаки: «Под термином понимается слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего значения в соответствующей системе понятий построения дефиниций» [Канделаки 1977: 7] и В. П. Даниленко: «Под термином мы понимаем слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» [Даниленко 1977: 15].

В процитированном выше определении термина четко сформулирована еще одна его особенность – соотнесенность со сферой специальных понятий науки и техники. В трудах некоторых терминологических школ понятие специальной сферы употребления все больше уступает место понятию языка для специальных целей (англ. *language for special purposes*, фр. *Langue de speciale*, нем. *Fachsprache*). Этот термин и его аббревиатура LSP были введены в 70-е годы нашего века австрийскими и западногерманскими терминологами и с тех пор широко применяются в научных работах. Лаконичное и исчерпывающее определение LSP мы находим у J. Sager: языки для специальных целей представляют собой «полуавтономные семиотические системы, основанные на общем языке (*general language*) и производные от него» [Городецкий, Раскин 1970: 194]. Терминология занимает доминирующее положение внутри LSP, именно через терминологию происходит расширение языков для специальных целей: помимо терминов, в состав LSP входят специальные обороты речи и различного рода несловесные знаки (формулы, символы, диаграммы, таблицы).

В российском терминоведении некоторым эквивалентом LSP можно считать понятие терминологических подязыков («терминологические системы плюс все элементы, используемые в данной отрасли науки и техники» – [Реформатский 1963: 135-136]), входящих в своей совокупности в широкое понятие языка науки, статус которых внутри общенационального языка разными исследователями определяется по-разному. Например, язык науки может включаться в общелитературный язык как его разновидность, обслуживающая сферу профессионального общения (В.П. Даниленко, Л.И. Скворцов), или выделяться в качестве особого функционального подязыка (Л. Дрозд). Как явствует из развернутого определения LSP как особых средств коммуникации, а также как средств описания и адекватного выражения результатов теории и практики, достигнутых в специальных предметных областях (J. Wiser), изучение LSP предполагает в первую очередь изучение его коммуникативных и информационных свойств.

Так как термины возникают и функционируют не в языке в целом, а внутри отдельных подязыков, то исследование терминов должно опираться на специфику их функционирования в подязыке, а также (и, очевидно, в первую очередь) на особенности их формирования и развития, среди которых немаловажное значение занимают процессы словообразования.

Попробуем избежать перечисления всех многочисленных определений этого понятия и ограничимся рабочим определением термина как языковой единицы специальной сферы употребления, обладающей номинативно-дефинитивной функцией (или по А.А. Реформатскому, номинативно-семасиологической). В этом определении мы опираемся на терминологические положения тех языковедов (А.А. Реформатского, Д.С. Лотте, Т.Л. Канделаки, В. П. Даниленко), которые видели номинативно-

дефинитивную функцию термина в наименовании им специального понятия и необходимости дефиниции для раскрытия значения термина.

Конституирующими признаками термина признаны: 1) наличие четкой дефиниции; 2) монореферентность; 3) тенденция к моносемичности в пределах данного терминологического поля; 4) системность в рамках данной терминосистемы; 5) отсутствие экспрессии; 6) широкая конституентная валентность.

Принадлежность термина к терминологии, а терминологии к LSP отнюдь не исключает термин из лексической системы общенационального языка; «термин остается и должен быть нормальным членом лексической системы языка, а если не нормальным, то не вопреки этой системе, а именно в силу этой системы» [Морковкин 1983: 121]. Все структурно-семантические особенности термина вытекают из специфической, присущей только термину, связи с понятием, того, что А.А. Реформатский назвал проблемой логоса, противопоставив логос в системном подходе к терминологии лексису - анализу термина в терминологии и терминологии в лексической системе языка, т.е. лексической парадигматике термина.

Точку зрения А.А. Реформатского разделяют и развивают многие исследователи. «...Прежде всего, следует отметить, что все они (термины) или, по крайней мере, большинство из них обусловлены явлением, которое можно назвать «двойным гражданством» термина, его положением как единицы логоса (Logos) и единицы лексики (Lexis), т.е. единицы научного знания и единицы общезыкового знания. Действительно, с одной стороны, термин, выступая в качестве лексической единицы, принадлежит лексико-семантической системе языка. Этот бесспорный факт означает, что термин подвержен влиянию тех же стихийных по преимуществу сил, что и любое слово, не являющееся термином. С другой стороны, являясь обозначением определенного научного (или подобно научному) понятия, термин принадлежит метаязыку соответствующей науки, и, следовательно, на него распространяется имманентное науке стремление к устранению неопределенности, к интеллектуальной чистоте, эстетической, эмоциональной и модальной нейтральности, а также к упорядоченности и строгой системности» [Суперанская, Подольская, Васильева 1989: 151-152].

Эти два онтологические аспекта одинаково существенны при изучении термина независимо от путей его возникновения. Появление нового термина, независимо от путей его возникновения, детерминировано как логосом, так и лексисом: сама необходимость в том или ином термине и его общий тип мотивируется сферой логоса, но его конкретный облик в значительной мере определяется сферой лексиса.

Из различных способов создания терминов на современном этапе доминирует терминообразование, т.е. создание для обозначения нового понятия специального языкового знака, заведомая искусственность которого, проявляющаяся в рациональном отборе языковых средств, оправдывается требованиями, предъявляемыми к термину (однозначность, монореферентность, системность, внеположность экспрессии). Именно поэтому А.А. Реформатский неоднократно подчеркивал, что идеальный термин во избежание нежелательных коннотаций должен быть интернациональным (греко-латинским).

В связи с интенсивным развитием научных знаний, усложнением понятийного аппарата науки, расширением международных научных контактов объем современного

словаря науки резко увеличивается. Специальные словари включают десятки, а то и сотни тысяч терминов. Несмотря на это, основных элементов, из которых строятся термины сравнительно немного. Причем в качестве источника научных терминов многие языки, теперь уже не только индоевропейские, используют греко-латинский лексический и словообразовательный фонд. Традиция использования классического фонда для терминообразования имеет свои исторические корни в каждом отдельном языке. За многие века существования в европейских языках она доказала свою жизнеспособность и преимущество перед другими способами терминообразования.

С одной стороны, греко-латинский фонд существует как нечто данное, неизменное, изолированное, «ничейное», по определению А. А. Реформатского, античное наследие, зафиксированное в дошедших до нас памятниках и словарях. С другой стороны, он реально функционирует в виде слов, словообразовательных элементов и моделей во многих языках мира, входя в их словарный состав и создавая в нем особые интернациональные слои. Единицы этого фонда используются разными науками и разными дисциплинами одной науки, поэтому можно говорить не только о международном статусе греко-латинских элементов, но и о том, что в языке науки они создают особый пласт с ярко выраженными междисциплинарными связями.

Широкое распространение моделей производных с интернациональными компонентами греко-латинского происхождения в различных терминологических системах, а также задачи терминологического нормирования, подразумевающего унификацию уже существующих терминов и создание новых, определяют настоятельную необходимость создания специальных словарей интернациональных греко-латинских терминоэлементов, которые служили бы «терминологическим ключом» к пониманию современной терминологии.

В терминологической литературе компоненты, выделяемые в составе термина, принято называть, вслед за Д.С. Лотте, терминоэлементами. Это понятие релевантно лишь в рамках того представления о природе термина, которое противопоставляет термин общеупотребительному слову как особую единицу, семантическая сущность которой не совпадает полностью с обычным словом. Если же придерживаться «функциональной» точки зрения на существо термина (термин есть общеупотребительное слово, используемое в особой функции), то проблема введения особой структурной единицы для компонентного уровня снимается, поскольку при отождествлении термина и слова достаточно пользоваться традиционными словообразовательными понятиями (префикс, суффикс, корень, варианты: префиксоид, суффиксоид, радикасоид).

Мы исходим из более узкого понимания терминоэлемента как морфологического, а не синтаксического или символического компонента термина. В связи с этим, вслед за А.В. Суперанской, мы рассматриваем терминоэлементы «как тройного вида конститутивные единицы в структуре термина: 1) терминоэлементы, выделяемые посредством морфологического членения термина-слова; 2) терминоэлементы, выделяемые в результате синтаксического членения термина-словосочетания и 3) терминоэлементы, выделяемые посредством изобразительно-графического членения, при котором в составе термина оказываются символы, имеющие только графическое выражение» [Суперанская, Подольская, Васильева 1989: 102].

По-видимому, определение терминологических элементов следует считать *definitio per definiendum*: не говоря уже о том, что проблема значения вообще является одной из самых спорных в лингвистике (понятие терминологического значения само требует строгого определения), мы можем говорить о явно выраженном терминологическом значении только в составе целого термина. Терминологический элемент, в отличие от целого термина, не выражает понятия, а только указывает на определенное терминологическое поле. Такое указание может осуществляться посредством выделения тех или иных признаков понятия. Именно такова внутренняя логика определения терминологического элемента у Т.Л. Канделаки, которую сам автор считает уточнением определения Д.С. Лотте, но которая, в сущности, может рассматриваться как определение, исходящее из других оснований: терминологические элементы, по Т.Л. Канделаки, – «это значащие части терминов, обусловленные признаками выражаемого термином понятия» [Канделаки 1967: 38].

Обращаясь к терминологическим элементам греко-латинского происхождения, мы заметим, что определение их семантического содержания существенно облегчается в тех случаях, когда серия структурно однозначных терминов обозначает взаимосвязанные понятия одного онтологического уровня. Такая совокупность терминов образует терминологический ряд, изоморфизм членов которых придает большую смысловую конкретность компонентам термина. Именно в связи с такими цепочками структурно и семантически сопряженных терминов может возникнуть иллюзия семантической независимости терминологического элемента (явно выраженного терминологического значения, по Д.С. Лотте). Но достаточно обратиться к одиночным или парадигматически не сопряженным терминам, как смысловая неопределенность вычленяемых из них терминов становится очевидной.

Итак, терминологический элемент можно определить как двустороннюю языковую единицу, обладающую в плане содержания не функцией номинации (точнее, не номинативно-дефинитивной функцией), которой обладает целый термин, а дейктической функцией: значение терминологического элемента сводится к указанию на определенное терминологическое поле; поэтому мы вправе вслед за Н.В. Васильевой, назвать соотносимую с термином семантическую единицу дейктемой. Тогда меняется сам принцип описания семантики греко-латинских терминологических элементов. Ведь для практических целей не всегда существенно значение греческого или латинского корня или аффикса, к которым восходит терминологический элемент, но важен тот смысл, который они заключают в себе в качестве строевых компонентов терминов. А терминологизированную единицу и исходный корень – этимон античных языков – порой разделяет изрядная семантическая дистанция.

В связи с этим возникает вопрос о лингвистическом статусе терминологического элемента среди прочих единиц языка. Поскольку сам термин, с лексико-грамматической точки зрения, функционирует как слово (хотя и ограниченное сферой употребления в специальном подязыке) и поскольку терминологический элемент существует как значимый компонент термина, есть, казалось бы, все основания считать терминологические элементы обычными морфемами. Но это не так: морфемы всегда – принадлежность определенного языка, и в этом смысле они уникальны, греко-латинские терминологические элементы же – достояние многих языков, и поэтому они универсальны.

Таким образом, говорить о греко-латинских терминологических элементах как о равноправных морфемах конкретного языка нельзя. С точки зрения русской грамматики, это

“морфемиды” без четкого морфемного статуса и строгой языковой прикрепленности, и название “терминоэлементы” указывает именно на их интернациональный характер. Их семантические, структурно-комбинационные и функциональные свойства проявляются не в стихии русского языка вообще, а в пределах специального метаязыка. Комбинационные возможности терминологии регулируются правилами, отличными от правил “нормального” словообразования, и не случайно Н.В. Юшманов считал необходимым говорить об особой “грамматике иностранных слов” именно в связи с изучением международной терминологии.

Терминоэлементы в составе каждого языка занимают, как и целые термины, обособленное положение вне стихийного речевого узуса, будучи принадлежностью специальных подязыков (метаязыков).

Литература

- Городецкий, Б. Ю., Раскин В. В. (1970): «Термины с лингвистической точки зрения», Научный симпозиум «Место терминологии в системе современных наук», Тезисы докладов и сообщений, Москва, С.134-141.
- Даниленко, В.П. (1977): Русская терминология. Опыт лингвистического описания, Москва, 1977, 243 с.
- Куликова, И. С., Салмина Д. В. (2002): Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии, Санкт-Петербург, 351 с.
- Капанадзе, Л. А. (1965): «О понятии «термин» и «терминология» », Развитие лексики современного русского языка, Москва, С.75-85.
- Канделаки, Т. Л. (1977): Семантика и мотивированность терминов, Москва, Наука, С.7.
- Реформатский, А. А. (1963): «О перекодировании и трансформации коммуникативных систем», Исследования по структурной типологии, Москва, С. 44- 51.
- Морковкин, В. В. (1983): «Термины и возможный способ их описания в словарях активного типа», Проблемы разработки и упорядочения терминологии в академиях наук союзных республик, Москва, Наука, С.150-158.
- Суперанская, А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. (1989): Общая терминология: Вопросы теории, Москва, 215 с.
- Канделаки, Т. Л. (1967): «Об одном типе словаря международных терминоэлементов», Научные доклады высшей школы. Филологические науки. № 2., Москва, С.38.
- Sager, J. (1981): «Criteria for measuring the functional efficacy of terms», Infoterm, series 6, München, 1981, p. 194-217.